

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЭПОХИ НАПОЛЕОНА

В.С. Ржеуцкий
А.В. Чудинов

РУССКИЕ «УЧАСТНИКИ» ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось,
что, право, не знаешь, чему верить, тем более
что мы не привыкли верить надписям.
М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

В конце XVIII в. Россия, пожалуй, меньше всех других стран Европы испытала на себе прямое влияние Французской революции – как идейное, так и политическое. Если кто-то из просвещенных россиян и питал какие-либо симпатии к принципам Революции, по крайней мере на первых ее порах, то такие симпатии все же носили слишком умозрительный характер, чтобы привести к появлению на берегах Невы или Москвы-реки доморожденных «якобинцев», как это, например, произошло в Ве-

Владислав Станиславович Ржеуцкий, кандидат исторических наук, преподаватель университета Париж X Нантер; Чудинов Александр Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

Cette publication a été préparée dans le cadre et avec le soutien du programme GDRE.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Фонда Дом наук о человеке, Париж (Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris) в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-94951 а/чел «Французская революция XVIII в. глазами русских аристократов и их французских гувернеров».

ликобритании, Германии, Италии или Венгрии. А.Н. Радищев, попытавшись своей книгой «Путешествие из Петербурга в Москву» «произвесть в народе негодование противу начальников и начальства»¹, добился немногого – вошел в историю не только как первый, но и как единственный русский революционер того времени.

Удалось России избежать также и политического влияния Французской революции, каковое распространялось по Европе на штыках армий Первой республики – до российских границ те просто не добрались.

Во всем этом были свои несомненные плюсы.

Во-первых, Российской империи не угрожали кровавые внутренние усобицы под лозунгами, навешанными французскими идеями, подобные тем, что пришлось пережить Польше или Ирландии. Соответственно, не было в России и причин для столь же широких и суровых правительственных репрессий по отношению к своим поклонникам Французской революции, какие имели место, скажем, в Великобритании, где правительство, отменив *Habeas corpus act*, десятками депортировало отечественных «якобинцев» в Австралию, или в Неаполитанском королевстве, где с «якобинцами» итальянскими расправлялись руками плебса вообще без всякого суда. Разумеется, это отнюдь не означает, что в России совсем никого не преследовали за распространение «французской заразы», но подобные случаи носили единичный характер, вопреки распространенным и ни на чем не основанным клише. Характерен «аргумент» в «доказательство» якобы имевших тогда место в России «широких репрессий», высказанный известным советским историком, специально изучавшим данный вопрос: «Полицейские преследования, *по-видимому*, распространялись на широкий круг людей, *оставшихся нам неизвестными*»².

Во-вторых, России удалось дольше других стран держаться в стороне от общеевропейской войны, развязанной французскими революционерами. Объявив в 1792–1793 гг. войну поочередно всем ведущим европейским державам, они не сделали этого по отношению к слишком далекой от них России, хотя и не переставали клясть ее как «оплот деспотизма»³.

¹ Цит. по: *Бабкин Д.С.* Процесс А.Н. Радищева. М., 1952. С. 267.

² *Штранге М.М.* Русское общество и Французская революция 1789-1794 гг. М., 1956. С. 80. Курсив наш. – *Авт.*

³ Подробнее см.: *Митрофанов А.А.* Образ России в общественном мнении революционной Франции конца XVIII в. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2010.

К «минусам» же подобного положения вещей можно отнести то, что России из-за ее идейной и географической отдаленности от эпицентра революционных событий так и не довелось обзавестись собственными «деятелями Французской революции» – ни реальными, такими как участвовавшие в ней выходцы из других стран: итальянец Филиппе Буонарроти, англичанин Томас Пейн, ирландец Уолф Тон, немцы Георг Форстер и Анахарсис Клоотс и проч., – ни хотя бы виртуальными: среди тех иностранцев, кого Законодательное собрание Франции «за содействие делу разума и продвижение свободы» наградило в 1792 г. званием французских граждан (правда, большинство из них не пожелало таковым воспользоваться), не было ни одного россиянина.

Впрочем, в качестве «минуса» указанное обстоятельство россиянами – современниками Французской революции отнюдь не воспринималось. Даже у тех из них, кто первое время был ее восторженным почитателем, после установления режима Террора Революция вызывала, как правило, только ужас и отвращение.

Однако потомки судили иначе. На протяжении XIX в. в среде российской либерально настроенной интеллигенции сформировался, по определению А.И. Герцена, «культ» Французской революции: «передовые люди» того времени придавали ей квазисакральный смысл «пророчества» о будущем России⁴. После Октября 1917 г. этот «культ» не только не исчез, но, напротив, окреп и даже приобрел государственный характер: Французская революция XVIII в. стала частью исторической традиции, использовавшейся идеологами советского режима для его легитимации, а ее трактовка приняла форму своеобразного канона⁵. Естественно, при таком подходе отсутствие россиян в пантеоне героев Французской революции уже не могло не восприниматься как досадная лакуна. И ее стали заполнять упоминанием в обобщающих трудах о событиях во Франции конца XVIII в. трех наших соотечественников, ставших если и не «деятелями», то хотя бы «участниками» Революции:

Двое русских – молодые князья Голицыны, находившиеся в Париже в июле 1789 г., непосредственно участвовали в штурме ненавистной французскому народу крепости абсолютизма [Бастилии] и стали с этого времени горячими защитниками новой, революционной Франции. <...> Со всех концов мира в Париж приезжали люди, желавшие вблизи увидеть великие историче-

⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 1. Гл. 1.

⁵ См.: Там же. Ч. 1. Гл. 2; Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005; *Она же*. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

ские события, запечатлеть их или поучиться у парижан, перенять их революционный опыт. Немецкий революционный публицист Георг Форстер, англичане – поэт Вордсворт и радикальный адвокат Эркин, русские – писатель и историк Карамзин и граф Строганов <...> побывали в Париже. Одни из них, как, например, Форстер или Строганов, стали горячими почитателями Французской революции; другие, как, например Карамзин, остались бесстрастными ее наблюдателями...⁶

П.А. Строганов, приехавший в начале революции в Париж и вступивший вскоре там в Якобинский клуб, публично высказывал надежду на то, что он увидит Россию обновленной посредством такой же революции, как Французская⁷.

Париж стал местом паломничества для «пилигримов свободы», как называли себя представители различных наций, приезжавшие во Францию, чтобы «подышать воздухом свободы». Среди них были и русские. Два брата, князя Голицыны, принимали участие в штурме Бастилии, а молодой граф П.А. Строганов, находясь в Париже, вступил в Якобинский клуб, за что по возвращении на родину был сослан в свою деревню⁸.

Таким образом, сопричастность России к Французской революции авторы классических трудов советской историографии доказывали включением в число участников революционных событий молодых князей Дмитрия Владимировича и Бориса Владимировича Голицыных и еще более молодого графа Павла Александровича Строганова (во Франции он жил под псевдонимом Очер), волею судеб оказавшихся тогда в Париже. Правда, никаких доказательств в подтверждение этого историки не приводили, очевидно, в силу того, что жанр обобщающего труда позволяет авторам не углубляться в детали.

Тем не менее это историографическое предание не только пережило советскую эпоху, но и получило развитие в наши дни. Так, автор новейшей родословной семьи Строгановых, изданной под грифом Российского дворянского собрания, добавил в «послужной список» Павлу Александровичу, помимо привычного якобинства, еще и те революционные деяния, которые ранее советские историки ставили в заслугу одним лишь Голицыным: «1789, 14 июля – под именем Павла Очера принимал активное участие во Французской революции и штурме Бастилии, член “Якобинского клуба”»⁹.

⁶ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 100.

⁷ Там же. С. 110. Ср. также: Штрапге М.М. Указ. соч. С. 70-71.

⁸ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789-1792. Л., 1982. С. 91. Данное утверждение воспроизводилось и в последующих работах этого автора. Он же. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб., 1996. С. 101; Он же. История Французской революции. СПб., 2003. С. 102.

⁹ Кутицов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005. С. 107.

А что же все-таки говорят об отношении к Французской революции трех русских аристократов «надписи», то есть исторические источники? Об этом-то и пойдет речь.

Строганов

Павел Строганов, самый младший из троих предполагаемых российских участников Французской революции, был сыном одного из первых богачей Российской империи, графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811). Тот, в свою очередь, являлся потомком старинного рода новгородских торговых людей, уже в XIV в. имевшего обширные владения на Русском Севере, а с XVI в. также на Урале и в Сибири. Его отца Сергея Григорьевича Петр I за заслуги перед отечеством возвел в баронское достоинство, а сам Александр Сергеевич с 1761 г. носил титул графа. Юность свою он провел в путешествиях по Западной Европе, где завершил начатое дома образование. По возвращении он в 1757 г. женился на Анне Воронцовой, дочери графа М.И. Воронцова. Брак, однако, не сложился, и в 1762 г. супруга А.С. Строганова вернулась в родительский дом. В 1769 г. она умерла. В 1771 г. граф женился на княжне Екатерине Петровне Трубецкой. После свадьбы супруги уехали во Францию.

В Париже у Строгановых 7/18 июня 1772 г.¹⁰ родился сын Павел. О его первых годах жизни нам почти ничего не известно. Историки семьи Строгановых дают весьма противоречивые сведения даже о ее составе. Так, в литературе высказывались разные точки зрения относительно того, был ли Павел единственным ребенком в семье или имел еще и сестру. Некоторые из авторов вообще не упоминали о ней. Н.М. Колмаков же утверждал: «7 июня 1774 года у графа Строганова родился сын Павел, – была еще и дочь Наталия, но она умерла в молодых годах, не оставив после себя никаких следов своего существования»¹¹. О Наталии как единственной сестре П.А. Строганова сообщали также великий князь Николай Михайлович и Т. Меттерних¹². А вот в работе Ф.А. Волегова и А.А. Дмитриева, пермских историков рода Строгановых, читаем, что детьми графа Александра Сергеевича были

¹⁰ Здесь и далее, когда даты даются по старому и новому стилю, число перед косой чертой соответствует первому из них, после черты – второму.

¹¹ Колмаков Н.М. Дом и фамилия графов Строгановых, 1752-1887 // Русская старина. 1887. № 3. С. 595.

¹² См.: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1. СПб., 1903. С. 14; Metternich T. Les Stroganoff. Une histoire de la Russie à travers une chronique familiale. Neuilly, 1991. P. 77.

«...дочь, графиня София Александровна, скончавшаяся 16 лет, и сын, граф Павел Александрович»¹³. Это мнение представляется наиболее близким к действительности. Среди личной корреспонденции П.А. Строганова, хранящейся ныне в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА), есть два письма Софьи Строгановой от 16 апреля 1787 г. и 8 мая 1789 г., написанные детским почерком по-французски и адресованные «дорогому брату»¹⁴. Родилась Софья Александровна примерно в июле 1778 г.: именно в это время в Париже, где тогда жил с семьей граф Александр Сергеевич, получили распространение шуточные стихи его друга, аббата Рузо «Православное крещение. Посвящается г-ну графу Строганову, русскому вельможе, по случаю крещения его дочери»¹⁵. Относительно же даты и обстоятельств ее смерти каких-либо определенных сведений нам найти не удалось. Отметим лишь, что она не была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, где находятся могилы большинства других представителей рода Строгановых, умерших в XVIII–XIX вв.¹⁶

Да и год рождения самого Павла Строганова приводится в литературе по-разному. Как мы уже видели, Н.М. Колмаков указывал 1774 г. И это отнюдь не опечатка. Именно такая дата была, очевидно ошибочно, проставлена на надгробном памятнике Павла Александровича, тогда как сам он считал своим годом рождения 1772-й¹⁷.

* * *

Отец Павла, граф А.С. Строганов, живя во Франции, играл видную роль в масонском движении. В 1773 г. он был одним из основателей Великого Востока – общенационального объединения французских масонов, входя в состав комиссии, разработавшей систему высших степеней Ордена. В дальнейшем

¹³ См. *Волегов Ф. А., Дмитриев А.А.* Родословная гг. Строгановых // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 191.

¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Лл. 200-201.

¹⁵ См.: *Bachaumont L., petit de.* Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours ; ou Journal d'un observateur. Londres, 1779. Т. 12. Р. 47-49.

¹⁶ См. *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. Т. 4. М., 1913. С.181-184. Составитель новейшей родословной Строгановых, ссылаясь на упомянутых выше Ф.А. Волегова и А.А. Дмитриева, дает следующую справку о сестре Павла: «Род. 1776 в Париже. Ум. 1794. Похоронена, вероятно, в селе Марьино Новгородского уезда». – *Купцов И.В.* Указ. соч. С. 112. Однако в таком случае получается, что С.А. Строганова прожила 18 лет, что противоречит утверждениям тех же авторов.

¹⁷ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 37.

он был одним из руководителей Великого Востока, занимая последовательно должности Эксперта Административной палаты, Великого Хранителя печатей и Великого Первого надзирателя¹⁸. В 1776 г. А.С. Строганов стал членом одной из наиболее знаменитых лож XVIII в. – ложи Девяти сестер, объединявшей выдающихся деятелей науки и культуры своего времени: в ней состояли Вольтер и Б. Франклин, математики Ж. Ланд и Кондорсе, скульптор Ж.А. Гудон, астроном Ж.С. Байи, химики К.Л. Бертолле и А.Ф. Фуркруа.

По-видимому, именно в ложе Девяти сестер Строганов близко сошелся с Жильбером Роммом (1750–1795), занимавшим в ней должность эксперта¹⁹. Уроженец овернского городка Риом, Ромм с 1774 г. жил в Париже, зарабатывая себе на хлеб частными уроками математики и тщетно пытаясь получить себе какое-либо доходное место, связанное с занятием науками²⁰. Его-то граф А.С. Строганов и пригласил в 1779 г. для воспитания своего сына Павла, или, как того звали в семье, Попо. В сентябре того же года семья Строгановых уехала из Франции в Россию.

В России Ромм и его воспитанник жили с конца 1779 г. до середины 1786 г. Они много путешествовали – через Москву, Нижний Новгород и Казань на Урал (1781), в Выборг и к водопаду Иматра (1783), по Карелии и Белому морю на Соловки (1784), в Киев (1785), а оттуда в Крым (1786). С июля 1786 г. маршруты странствий юного Строганова и его гувернера пролегали уже по странам Западной Европы: Германии, Франции, Швейцарии. Повсюду Ромма и Попо сопровождал художник Андрей Воронихин, бывший крепостной Строгановых, в будущем – великий архитектор, зодчий Казанского собора в Петербурге. С 1787 г. к ним присоединились также юный барон Григорий Строганов, троюродный брат Павла, в дальнейшем – видный русский дипломат, и его гувернер Жак Демишель, земляк и друг Ромма. Обо всем уви-

¹⁸ См.: *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II / Под ред. М.В. Рейзина и А.И. Серкова. СПб., 1999. С. 92, 364; *Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie / Dir. D. Ligou.* P., 1991. P. 1142.

¹⁹ *Amiable L.* Une Loge Maçonique avant 1789, la R. L. des Neuf-Soeurs / Augmenté d'un commentaire et de notes critiques de Ch. Porset. P., 1989. P. 389-393.

²⁰ О биографии Ромма см.: *Galante Garrone A.* Gilbert Romme: histoire d'un révolutionnaire. P., 1971; *Чудинов А.В.* Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010 (в печати). Истории взаимоотношений Ромма и семьи Строгановых посвящена обширная литература, изобилующая, правда, многочисленными легендами и фактическими неточностями. Подробнее см.: *Чудинов А.В.* «Русский принц» и француз-«царубийца» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.

денном по пути Попо и его наставник регулярно сообщали графу А.С. Строганову в своих письмах.

В конце мая 1788 г. Ромм и Павел Строганов покинули Женеву, где прожили к тому моменту уже около двух лет, и прибыли во Францию. Подробно история их пребывания там во время «пред-революции», а затем и самой Революции, освещалась в ряде работ одного из авторов этих строк²¹, что позволяет нам ограничиться здесь перечислением лишь ее основных вех.

Период с начала июня и до 19 августа 1788 г. Попо и его гувернер провели в Оверни, либо в деревушке Жимо, где у матери Ромма был свой большой дом, либо путешествуя по провинции. О том, что в первую очередь привлекало внимание самого юного графа, мы можем судить по трем сохранившимся его письмам отцу (см. ниже Приложение 1. Док. 1–3). В первом из них Павел рассказывает о религиозном празднике в Риоме, во втором подробно описывает систему церковной благотворительности в том же городе, третье целиком посвящено взаимоотношениям Попо с его учителем, о чем подробнее будет сказано чуть ниже. Пока же лишь отметим, что, судя по этим текстам, наиболее живой интерес из всего увиденного юноша, похоже, проявлял к аспектам, так или иначе связанным с религией. И это впечатление не обманчиво.

С детских лет Павла Строганова отличала глубокая религиозность, что во многом было связано с особенностями его воспитания. Родившись в Париже и живя там с родителями до семилетнего возраста, он своим родным языком считал французский. Когда же семья вернулась в Россию, мальчика стали усердно учить русскому языку и основам православия. Разумеется, ни в том, ни в другом Ромм не был компетентен, и задача преподавания этих предметов легла на плечи русских учителей. Более того, согласно педагогической теории Ж.Ж. Руссо, каковую Ромм положил в основу своей системы воспитания, регулярные занятия с ребенком следовало начинать лишь с 12 лет, почему Ромм и приступил к ним только в 1784 г. С семи же до двенадцати лет, когда ребенок особенно восприимчив к новым впечатлениям, Попо систематически изучал лишь русский язык и религию. Да и позднее, как свидетельствуют письма юного Строганова из Киева 1785–1786 гг., эти предметы занимали наибольшую часть его учебного

²¹ См.: Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // НиНИ. 2001. № 4; *Он же*. Книжные приобретения Ж. Ромма и П.А. Строганова в революционном Париже (1789–1790) // Век Просвещения. Вып. 1. М., 2006; *Он же*. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 3. Гл. 3.

времени. Неудивительно, что к моменту отъезда за границу, где Павлу предстояло интенсивно осваивать естественные и точные дисциплины, его религиозные убеждения были уже достаточно прочными. Как отмечал Ромм в одном из писем А.С. Строганову: «Особенно живой интерес он проявляет к Священному писанию. В те моменты, когда мы можем заняться чтением, я ему предлагаю различные интересные работы, которые он мог бы слушать с удовольствием, но он постоянно предпочитает Ветхий или Новый Завет»²².

В литературе нередко встречается мнение о том, что воззрения Павла Строганова полностью определялись Роммом и совпадали со взглядам наставника²³. В действительности отношения учителя и ученика были далеко не столь гладкими и периодически омрачались острыми конфликтами. Вступая в должность гувернера, Ромм питал надежду создать из своего воспитанника того самого «естественного человека», которого Руссо изобразил в знаменитом трактате «Эмиль, или О воспитании». Однако живой ребенок оказался совсем не похож на выдуманного Эмиля, особенно когда подошел к подростковому возрасту. В письмах старшему Строганову Ромм не раз жаловался то на «излишнюю живость» Попо, то на его «инертность и лень». Учитель и ученик ссорились, не разговаривая порою по много дней и общаясь между собой только в письменной форме. Конфликты не прекратились и после отъезда из России. Правда, юноша, надо признать, весьма болезненно переживал размолвки с учителем, ибо считал, что, допуская их, проявляет непослушание воле отца и, соответственно, нарушает долг христианина. Тем не менее его третье письмо из Оверни (от 11/22 июля) показывает, что отношения молодого графа и его гувернера по-прежнему омрачались ссорами.

О первой части своего путешествия с наставником по маршруту Сент-Этьен – Фор – Аннонэ – Лион Павел рассказал отцу в послании от 27 августа / 7 сентября 1788 г. (Приложение 1. Док. 4). Затем они побывали в Крезе, где осмотрели знаменитые металлургические заводы, после чего вернулись в Лион, откуда Попо в письме от 21 октября / 1 ноября известил старого графа, что следующим пунктом их назначения будет Париж (Приложе-

²² Ж. Ромм - А.С. Строганову, 5/16 апреля 1787 г. - РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 277об.

²³ Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма. (Его рукописное наследство в архивах СССР) // Ученые записки ЛГУ. Л., 1940. № 52. Серия исторические науки. Вып. 6. С. 265. Далин В.М. Первый русский якобинец // Он же. Люди и идеи. М., 1970. С. 10.

ние 1. Док. 5). В письме тетке, написанном в тот же день, Павел пояснил, что они решили ехать в столицу в связи с предстоящим созывом Генеральных штатов (Приложение 1. Док. 6). Любопытно, что происходившие до того времени политические события во Франции не только никак не влияли на разработанный Роммом план учебы воспитанника, но даже не находили никакого отражения в корреспонденции обоих. Однако всплеск общественной активности, вызванный королевским указом от 8 августа 1788 г. о предстоящих выборах, явно не остался ими незамеченным. Ну а поскольку главной целью их путешествий было знакомство со всевозможными достопримечательностями, наставник и его подопечный не могли оставить без внимания такую редкость, как собрание представителей трех сословий, не созывавшееся с 1614 г. С этого же времени отзвуки политических событий нет-нет да и появляются в корреспонденции Павла Строганова и Ромма наряду с привычным перечислением увиденных достопримечательностей, как, например, в письме от 16 ноября из Безансона (Приложение 1. Док. 7).

* * *

В Париж они, очевидно, прибыли 24 декабря 1788 г., поскольку в письме от 16 декабря Павел сообщает: «Уже три дни тому назад как мы в Париже» (Приложение 1. Док. 8); ну а поскольку он обычно датировал свои послания либо одновременно числами старого и нового стилей, разница между которыми составляла 11 дней, либо (как, очевидно, и на сей раз) только старого, то, произведя соответствующие вычисления ($16-3+11$), мы получим 24 декабря.

Хотя желание воочию узреть исторические события, связанные с созывом Генеральных штатов, и побудило Ромма изменить маршрут путешествия, тем не менее главной целью для него по-прежнему оставалось образование воспитанника, прежде всего в области естественных и точных наук. В дополнении к письму Павла от 16 декабря (ст. ст.) 1788 г. Ромм подробно излагает свои педагогические планы. Об их основательности свидетельствует и его письмо А.С. Строганову от 12/23 февраля 1789 г., где представлена развернутая программа обучения Попо²⁴. Этот документ в значительной степени проливает свет и на причины изменения

²⁴ Полный текст этого письма см.: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789–1790 гг.) // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 2. М., 1998. С. 56–58.

Роммом фамилии своего подопечного на Очер. Жизнь инкогнито должна была, по мысли наставника, избавить молодого человека от необходимости возвращаться в светских кругах с их многочисленными соблазнами, а потому рассматривалась Роммом прежде всего как необходимое условие нравственного воспитания юноши. Вот почему вопрос о перемене имени встал одновременно с принятием решения о поездке в Париж – в октябре 1788 г. Впервые упоминание о псевдониме Павла Строганова появляется в письме Ромма его овернскому приятелю Дюбрелю, отправленном из Лиона 4 октября 1788 г.: «Я счел уместным изменить имя Попо. Барон [Г.А. Строганов] также захотел изменить свое, о чем он известит вас лично. Попо выбрал имя “Очер” по названию одного из владений его отца в Сибири. Пожалуйста, примите это во внимание. Во время пребывания в Париже его надо называть просто г-н Очер. Графа Строганова там быть не должно»²⁵. Павел известил об этом решении отца письмом из Лиона от 21 октября/1 ноября (Приложение 1. Док. 5).

В Париже учебные занятия Павла Строганова продолжались, как и прежде, а объем их, возможно, даже увеличился. Согласно данным книги расходов, которую вел Ромм, сразу после их приезда был нанят учитель немецкого языка, а немного погодя Павел и присоединившийся к нему Григорий Строганов стали посещать курсы военного искусства²⁶. Круг их общения, судя по переписке, также составляли в основном люди, связанные с науками. Любопытно, что письма Павла и его учителя в Петербург зимой и весной 1789 г. не содержат ни малейшего упоминания о политических событиях. Может быть, ни тот, ни другой просто не хотели лишней раз волновать старого графа? Однако другой источник, а именно – переписка Ромма с его риомскими друзьями, также свидетельствует о том, что и наставник и его ученик до мая 1789 г. обращали на политику мало внимания, сосредоточившись в основном на занятиях науками²⁷.

В апреле пришло сообщение из Петербурга о смерти барона А.Н. Строганова, отца троюродного брата Павла. Григорий начал готовиться к отъезду в Россию. Письмо от 31 марта/11 апреля, которым Павел откликнулся на столь печальное известие, ярко показывает глубокую и очень искреннюю религиозность этого еще совсем молодого человека (Приложение 1. Док. 11).

²⁵ Museo del Risorgimento di Milano (далее – MRM). Romme MSS. Carton 1. D. 19.

²⁶ Ibid. Carton 2. D. 36. См. также: *Galante Garrone A.* Op. cit. P. 162.

²⁷ См.: *Galante Garrone A.* Op. cit. P. 162-167.

В мае, с открытием Генеральных штатов, распорядок занятий Павла Строганова претерпел серьезные изменения. Ромм и его подопечный начали регулярно посещать Версаль, где с трибуны наблюдали за работой Штатов. Водоворот революционных событий все глубже затягивал и учителя, и ученика. В монографии А. Галанте-Гарроне детально показан процесс быстрой радикализации в мае–июне 1789 г. взглядов Ромма, прежде достаточно безразлично относившегося к политике. О воззрениях его подопечного известно гораздо меньше. Логично предположить, что резкая смена обстановки, когда юноша, которого долгое время воспитывали анахоретом, вдруг оказался в гуще политических страстей, произвела на него достаточно сильное впечатление. Если еще осенью предыдущего года политика имела для него более чем второстепенное значение, то с июня 1789 г. она регулярно появляется в его письмах к отцу. Ромм же, напротив, в своих посланиях старшему Строганову вообще старался не касаться политических тем, рассказывая преимущественно об успехах своего воспитанника в учебе. И только после восстания 14 июля, получившего огромный резонанс не только во Франции, но и далеко за ее пределами, в письмах наставника появляются упоминания о политике. С этого времени мало какое из писем уже не только Павла Строганова, но и Ромма обходится без сообщений о событиях революции.

Между тем «политическое образование» обоих продолжалось, поглощая практически все их время. Прочие занятия оказались заброшены. Поездки в Версаль стали практически ежедневными, а с 11 августа Ромм даже снял там квартиру, которую они с Павлом покинут лишь в октябре, с переездом Национального собрания в Париж²⁸.

В какой степени эти уроки «политграмоты» были усвоены юным графом? Политика, действительно, стала наиболее подробно освещаемой в его корреспонденции темой. Особое внимание Павел уделял вопросу снабжения городов продовольствием, считая основной причиной народных волнений недостаток хлеба. Едва ли не в каждом письме он так или иначе касался этой темы. Письмо от 17/28 декабря 1789 г. показывает, что перспективу гражданского умиротворения во Франции Павел связывал именно с благоприятным урожаем грядущего года (Приложение 1. Док. 24).

²⁸ MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 36. См. также: *Galante Garrone A. Gilbert Romme*. P. 167.

Неоднократно встречающиеся в письмах А.С. Строганову совпадения в оценках событий Роммом и его подопечным дают основание говорить о значительном влиянии на Павла Строганова взглядов его наставника. И все же отсюда еще отнюдь не следует, что ученик смотрел на происходящее исключительно глазами учителя и полностью разделял его воззрения. С появлением нового и общего для обоих увлечения политикой прежние противоречия в их личных отношениях не только не исчезли, но даже усилились. Если еще осенью 1788 г., во время путешествия по Франш-Конте, Ромм докладывал старшему Строганову о том, что вполне удовлетворен поведением воспитанника, который проявляет все большую готовность к послушанию (Приложение 1. Док. 7), то уже летом 1789 г. конфликты между учителем и учеником возобновились, о чем Попо сообщил отцу 19/30 августа (Приложение 1. Док. 17).

К сожалению, из корреспонденции не ясно, в чем именно проявлялись разногласия между Роммом и младшим Строгановым. Возможно, повзрослевший Павел все больше тяготился мелочной опекой со стороны наставника? А может просто сказывалась разница в темпераментах?²⁹ Во всяком случае, она весьма заметна в отношении каждого из них к происходившим вокруг событиям. Задумчивый, чувствительный и глубоко религиозный юноша далеко не в полной мере разделял тот революционный энтузиазм, которым все больше проникался Ромм. Наставник Павла ощущал себя полноправным участником революции. Начав с того, что добровольно взял на себя миссию информировать земляков о работе Национального собрания, он к концу 1789 г. являлся уже одним из наиболее активных вдохновителей «левых» своего родного города. В письмах Дюбрёлю, которые в Риоме зачитывались вслух перед многочисленной аудиторией, Ромм оправдывал совершаемые в стране акты революционного насилия³⁰. И даже в письмах А.С. Строганову, где Ромм, разумеется, умалчивал о своем личном участии в политике, он не скрывал сочувствия к происходившим переменам.

Настроения же Павла Строганова, выраженные в письмах отцу, составляют удивительный контраст с восторженным энтузиазмом Ромма. При несомненной симпатии к переменам в обще-

²⁹ Ромм и ранее выказывал недовольство «чрезмерной» медлительностью воспитанника, его склонностью к созерцательности и долгим размышлениям. См., например: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч.* Т. 1. С. 323.

³⁰ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 20.

ственном устройстве Франции юноша смотрит на них с позиции доброжелательного, но все же стороннего наблюдателя, не ощущая себя участником происходящего и в какой-то степени даже испытывая определенный душевный дискомфорт от царящего вокруг неурядица. Что у него вызывает действительно сильные переживания, так это трудности, с которыми в тот момент столкнулась Россия, – войны со Швецией и Турцией, угроза внутренних неурядиц. Лейтмотив корреспонденции П.А. Строганова зимой и весной 1790 г. – это желание скорейшего прекращения раздирающих Европу войн и мятежей, установления гражданского согласия во Франции и замирения России с соседями. В письме от 14/25 января 1790 г. Павел выказывает самую живую обеспокоенность возможными беспорядками в России (Приложение 1. Док. 26). Когда же сведения о мятеже в России не подтвердились, это известие дало юноше еще один повод высказаться в письме от 12/23 марта в пользу внешнего и внутреннего мира (Приложение 1. Док. 28). Подобное постоянство во мнениях свидетельствует, на наш взгляд, об уже сложившейся и достаточно устойчивой основе мировоззрения юноши, явно отдававшего предпочтение мирному развитию событий перед революционными и военными потрясениями.

10 января 1790 г. Ромм и еще пара десятков революционных энтузиастов из числа постоянных посетителей Национального собрания основали небольшой политический клуб – «Общество друзей закона», куда вошел и Павел Строганов. Наиболее колоритной фигурой среди участников была знаменитая Теруань де Мерикур. Уроженка Люксембурга, красавица 26-ти лет, она прославилась своим активным участием в событиях 5-6 октября 1789 г. Первые заседания клуба проходили у нее дома. Ромм был избран председателем Общества, Теруань де Мерикур – архивистом, Строганов – библиотекарем. Впрочем, деятельность Строганова в рядах «Друзей закона» активностью не отличалась: на всех заседаниях он играл молчаливую роль статиста. Ромм, напротив, был душой и лидером Общества, одним из главных вдохновителей всех дискуссий³¹.

Занятый политикой и революционным воспитанием подопечного, Ромм, похоже, упустил из виду, что их новые занятия могут вызвать неодобрение и старого графа, и властей России, подданным которой был его ученик. Так и случилось: в письме

³¹ Galante Garrone A. Op. cit. P. 201-224.

от 18 марта 1790 г. А.С. Строганов настоятельно рекомендовал губернатору увезти Попо из Парижа³². Однако Ромм и не подумал принять совет к действию. С конца мая он был занят организацией крупной политической акции — празднования первой годовщины клятвы в Зале для игры в мяч³³. Разумеется, ни о каком отъезде для него не могло быть и речи. Вместе с тем были предприняты некоторые шаги, чтобы успокоить старого графа: в корреспонденции к нему ни Ромм, ни даже Павел больше не касались Революции, зато оба вновь «вспомнили» о научных сюжетах, уже давно исчезнувших из их писем.

Тем временем подготовка к празднованию годовщины клятвы в Зале для игры в мяч вступила в заключительную стадию. 19 июня Ромм во главе делегации из 20 членов «Общества клятвы в Зале для игры в мяч», созданного в ходе подготовки к празднику, представил в Национальное собрание мемориальную доску, которая должна была увековечить память о происшедшем год назад историческом событии. На другой день в Версале состоялось публичное открытие этой доски, сопровождавшееся торжественными речами и массовым шествием по городу. Вечером под председательством Ромма состоялся банкет на 250 персон, включая таких видных деятелей революции, как А. Барнав, братья Шарль и Александр Ламеты, А. Дюпор, М. Робеспьер, Ж. Дантон и другие. Очевидно, в праздничных мероприятиях участвовал и П. Строганов, поскольку его подпись в числе других стояла под принятым по итогам торжеств и представленным 3 июля в Национальное собрание обращением «Общества клятвы в Зале для игры в мяч»³⁴.

Праздник имел общенациональный резонанс и принес Ромму как главному организатору широкую известность. Тот ликовал, но уже 16 июля ему пришлось пережить жестокое огорчение. В этот день (о чем есть соответствующая пометка в записной книжке Ромма³⁵) пришло письмо А.С. Строганова от 20 июня теперь уже не с советом, а с категоричным требованием покинуть Париж. Впрочем, старый граф лишь ненадолго предвосхитил то, что вскоре от его сына официально потребуют российские власти³⁶. Хотя он и выразил свою волю в форме просьбы, однако сде-

³² Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 251.

³³ Galante Garrone A. Op. cit. P. 225.

³⁴ Ibid. P. 227-234.

³⁵ См.: Ibid. P. 237, note 4; MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 38.

³⁶ См.: Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство. Т. 29/30. М., 1937. С. 437; Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901. С. 202.

лал это столь определенно, что лишил Ромма всякой возможности и далее откладывать отъезд под благовидными предложениями. Учитель Павла был в ярости: во-первых, ему предстояло покинуть столицу как раз в тот момент, когда его революционная карьера обрела весьма многообещающие перспективы, во-вторых, безвозвратно рушился план революционного воспитания ученика³⁷. Вынужденный подчиниться воле старшего Строганова и покинуть Париж, Ромм заявил, что будет «дождаться окончательного решения» старого графа у себя на родине в Жимо³⁸.

И вот когда стало ясно, что их скорый отъезд из столицы неминуем, тогда-то и произошло событие, которое многие историки считают кульминацией пребывания Павла Строганова в революционной Франции, а именно — вступление «гражданина Очера» в Якобинский клуб. Согласно сохранившемуся в бумагах Ромма сертификату Общества, это произошло 7 августа³⁹. А уже 10 августа департамент полиции Парижского муниципалитета выписал путешественникам паспорт для следования в Риом⁴⁰. Спустя еще три дня они отправились в путь. Таким образом, Павел Строганов реально состоял членом Якобинского клуба менее недели. Какой же тогда был смысл ему вообще записываться в якобинцы? При полном отсутствии какой-либо практической значимости данного шага, Ромм, очевидно, придавал ему символическое значение. С одной стороны, этот акт становился логическим завершением курса «политического воспитания» юноши, осуществлявшегося наставником в течение предыдущего года, своего рода инициацией, посвящением в «свободные люди». С другой стороны, Ромм тем самым как бы мстил А.С. Строганову за свои рухнувшие планы, самым грубым образом нарушая недвусмысленно выраженную волю старого графа. В пользу такого предположения говорит тот факт, что запись Павла в Якобинский клуб произошла именно после того, как было получено письмо его отца с требованием покинуть Францию. Ранее Ромм с воспитанником не раз посещали заседания якобинцев в качестве зрителей⁴¹, но лишь теперь, накануне отъезда было принято решение о вступлении Очера в клуб. Причем сам наставник, судя по сертификату Якобинского клуба, сохранившемуся в его лич-

³⁷ См: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 238.*

³⁸ См.: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 275-278.*

³⁹ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 4.

⁴⁰ Ibid. D. 5.

⁴¹ *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 235 note 1.*

ном архиве, записался в это же Общество лишь три года спустя – 3 мая 1793 г.⁴² То есть, если для Ромма вступление в якобинцы станет в свое время вполне осознанным шагом взрослого человека и опытного политика, имевшего к тому моменту за спиной год депутатства в Законодательном собрании и год – в Конвенте, то семнадцатилетний Павел Строганов был явно направлен на этот путь своим старшим товарищем, возможно, не отдавая себе отчет в значении данного шага.

Во всяком случае, последующее поведение юноши в Жимо мало отвечало тому образу сознательного и активного революционера, который рисует нам историографическое предание. Племянница Ромма Миетт Тайан так описывала своей подруге различие в интересах своего дяди и его подопечного, проявившееся за время их пребывания в деревне:

«Ты знаешь, моя дорогая подруга, заговорили о том, чтобы избрать г-на Ромма депутатом. Такой выбор сделал бы честь патриотам. Народ получил бы в его лице ревностного защитника. В ожидании того момента, когда его голос зазвучит с трибуны, он пользуется им для просвещения сограждан. Каждое воскресенье он собирает вокруг себя множество крестьян, которым читает газеты и объясняет новые законы. <...> Г-н Граф, пока его гувернер разглагольствует перед обитателями Жимо, пользуется моментом, чтобы развлекаться с юными селянками»⁴³.

Пожалуй, единственная область политики, к которой юный Строганов по-прежнему испытывал интерес, была международная. Его письма к отцу показывают, что и в Оверни, как прежде в Париже, он жадно ловил вести о международных делах России и, прежде всего, о ее войнах с Турцией и Швецией.

Таким образом, питая симпатии к тем идеям, которые ему пытался привить Ромм, Павел Строганов все равно оставался по отношению к Французской революции хоть и сочувствующим, но все же сторонним наблюдателем, и, напротив, никогда не переставал ощущать себя верноподданным российской императрицы. Откуда же взялось время от времени всплывающее в историографии утверждение, будто Павел Строганов «публично высказывал надежду на то, что он увидит Россию обновленной посредством такой же революции, как Французская»⁴⁴? Впервые оно появи-

⁴² MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 4.

⁴³ *Bouscayrol R. Les lettres de Miette Tailhand-Romme (1787-1797). Clermont-Ferrand, 1979. P. 110.*

⁴⁴ *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 110. См. также: *Успенский В.С.* Павел Александрович Строганов // *ВИ.* 2000. № 7. С. 90; *Гавлин М.Л.* Из истории Российского предпринимательства: династия Строгановых. М., 2003. С. 71.

лось в книге французского публициста XIX в. Л. Пэнго о французах в России и русских во Франции⁴⁵. В качестве источника своих сведений о пребывании Павла Строганова в революционном Париже Пэнго ссылался на первую биографию Ромма, написанную овернским историком Марком де Виссаком⁴⁶. Однако де Виссак ни словом не упоминал о каком-либо подобном заявлении юного графа. Пэнго таковое, видимо, просто выдумал, а уже затем излишняя доверчивость других авторов сделала его голословное утверждение частью историографической традиции.

Ключевой для воззрений Павла Строганова можно считать следующую фразу из его послания Демишелю в ноябре 1790 г.: «В письме, которое я с частной оказией отправил отцу и где соответственно мог ему открыться, я сообщил, как *я восхищаюсь Революцией*, но в то же время дал ему знать, что *полагаю подобную революцию непригодной для России*»⁴⁷.

В ноябре 1790 г., чтобы увезти юного Строганова на родину за ним приехал его двоюродный брат Н.Н. Новосильцев, и в начале декабря они вдвоем покинули Францию. Этим и закончилось «участие» Павла Строганова во Французской революции.

Голицыны

Два других предполагаемых русских «участника» Французской революции – братья Голицыны, Борис Владимирович⁴⁸ и Дмитрий Владимирович – были так же, как и Павел Строганов, потомками известного аристократического рода, только еще более знатного – княжеского⁴⁹. Их отец, Владимир Борисович Голицын (1731 – после 1793), был одним из сыновей князя Бориса Васильевича (1705–1768), адмирала, генерала-фельдцейхмейстера, а затем генерал-кригс-комиссара флота. Сам Владимир Борисович, тоже избрав военную стезю, дослужился лишь до чина бригадира. В 1766 г. он женился на Наталье Петровне Чернышевой (1741–1837), которая и стала матерью героев нашего рассказа.

Имя Наталье Петровны еще не раз встретится в нашем повествовании: ведь именно ей направлялись те письма ее сыновей и их гувернера, по которым мы сегодня можем судить о жиз-

⁴⁵ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. P. 118.

⁴⁶ Vissac M. de. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

⁴⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 302. Курсив наш – Авт.

⁴⁸ Подробнее о нем см.: Цоффка В.В. Князь Б. В. Голицын (1769-1813) как личность екатерининской эпохи // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 324-327.

⁴⁹ О семье Голицыных подробнее см.: Шереметев П. Вяземы. Пг., 1916.

ни братьев Голицыных в революционном Париже. По признанию современников, это была женщина поистине незаурядная. Достаточно сказать, что уже на склоне лет она послужила одним из прототипов для главной героини повести А.С. Пушкина «Пиковая дама»⁵⁰.

Наталья Петровна родилась в семье графа Петра Григорьевича Чернышева (1712–1773). Будучи старшим сыном денщика Петра Великого, сам П.Г. Чернышев дослужился до чина действительного тайного советника, был действительным камергером и сенатором. Его восхождению в немалой степени способствовала женитьба на дочери графа Андрея Ивановича Ушакова, начальника Тайной канцелярии. Рано начав дипломатическую карьеру, П.Г. Чернышев подолгу жил за границей. Наталья родилась как раз накануне отъезда отца в Данию, куда он был назначен чрезвычайным посланником (в конце того же года его перенаправили в Берлин). В 1746 г. П.Г. Чернышев стал российским послом в Лондоне, где прожил с семьей до 1755 г. Таким образом, детство Натальи Петровны прошло в основном в Англии. Она привыкла к образу жизни англичан и позднее как-то в одном из писем даже назвала их своими соотечественниками, за что получила шутливую отповедь старшего сына. Она любила эту страну и, находясь в конце 1780-х гг. с детьми за границей, предпочитала ее беспокойному Парижу, что весьма огорчало сыновей, с нетерпением ожидавших приезда любимой *taman*. Однако благодаря их разлуке мы и располагаем сегодня ценнейшим источником — обширной перепиской, позволяющей узнать немало подробностей о пребывании русских аристократов в революционной Франции.

Выйдя замуж за красивого, но слабохарактерного В.Б. Голицына, решительная и волевая Наталья Петровна стала фактически «главой семьи». У супругов было пятеро детей. Старший сын, Петр, появился на свет в 1767 г. и умер в детском возрасте, не прожив и шести лет. Наши герои — Борис и Дмитрий — родились соответственно 6 января 1769 г. и 29 ноября 1771 г. Кроме них, в семье было еще две дочери — Екатерина (1770–1854) и Софья (1775–1845).

В 1774 г. Бориса и Дмитрия, как тогда было принято у русской аристократии, записали в лейб-гвардейские полки: первого

⁵⁰ В своем дневнике А.С. Пушкин писал 7 апреля 1834 г.: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...». — *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах.* М., 1958. Т. 8. С. 43.

– в Семеновский, второго – в Преображенский⁵¹. И как опять же водилось у российского дворянства, пригласили для их воспитания учителей-французов: Мишель Оливье стал гувернером у мальчиков Голицыных, его супруга – гувернанткой у их сестер. В 1782 г., когда Борис и Дмитрий поехали учиться в Страсбургский университет, чете Оливье пришлось пережить долгую разлуку: муж отправился со своими подопечными, жена осталась в России со своими.

Мы можем детально проследить маршрут заграничного турне молодых князей⁵² благодаря письмам, которые Оливье почти каждую неделю отправлял их матери – это было одной из важнейших его обязанностей. Голицыны отплыли из Кронштадта 19 июня 1782 г. в сопровождении гувернера и двух слуг. Через Копенгаген, Гамбург, Франкфурт, Ганновер и Кассель они приехали в Страсбург к концу августа. Там, сообщает Оливье, их уже ожидало жильё, приготовленное господином Кохом. Речь, без сомнения, идет о Кристофе-Гийоме Кохе, профессоре Страсбургского университета, ученике Жана-Даниеля Шёпфлина и будущем ректоре университета. Кох принимал в Страсбурге многих представителей европейской аристократии. Одним из его учеников был граф фон Меттерних, ставший едва ли не самым знаменитым политическим деятелем посленаполеоновской Европы. В октябре того же года Голицыны были записаны в университет⁵³, но занятия проходили у них на дому.

Тогда же в Страсбурге гостил «граф Северный» – великий князь Павел Петрович, путешествовавший с супругой по Европе. Наследник российского престола осматривал достопримечательности города, арсенал, мавзолей маршала Морица Саксонского. Молодые князья всюду следовали за ним.

Когда Борис и Дмитрий начали учиться, Оливье намеренно свел круг их общения к минимуму, чтобы не отвлекать от занятий. Пришлось мальчикам временно пожертвовать и не связанными с учебной увлечениями: Борис, по требованию Оливье, перестал работать над биографией Катона и писать свои «размышления»⁵⁴. Эта деталь показывает, что уже тогда у старшего из братьев наблюдалась склонность к занятиям литературой и

⁵¹ См.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 195-196.

⁵² Его описание см.: *Шереметев П.* Указ соч., С. 103 и далее.

⁵³ См.: *Андреев А.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 384.

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 64 Вяземы. Карт. 105. Ед. хр. 82. Л. 32.

историей, которая так ярко проявится в последующие периоды его жизни. Оливье был настолько уверен в благотворности подобных ограничений, что даже ответил отказом на просьбу Натальи Петровны купить Борису книги, чтобы доставить тому удовольствие. Впрочем, Борис сам на карманные деньги приобрел три литературных альманаха: *Almanach des Muses*, *Almanach d'Apollon* и *Almanach lyrique*⁵⁵.

Педагогическая «система» Оливье вызывала нарекания даже со стороны близких к Голицыным людей. Жившие по соседству с ними Штакельберги, их гувернеры и сам Кох сходились во мнении, что молодому аристократу пристало часто ходить в театр, на балы, а не сидеть затворником за уроками⁵⁶. Суровость Оливье была известна многим: так, он сам жаловался княгине, что родственник его подопечных, посол России при венском дворе князь Дмитрий Михайлович Голицын отзывался о нем, Оливье, как о человеке жестком, неуступчивом, говоря, что его воспитанники, принуждаемые непрерывно учиться с утра до вечера без прогулок, спектаклей и какого бы то ни было приличного развлечения, были глубоко несчастны⁵⁷. Вероятно, поддавшись давлению, гувернер все-таки стал водить князя Бориса на балы и в театр⁵⁸. В сентябре 1783 г. княгиня сама приехала с мужем в Страсбург, после чего ее переписка с гувернером прервалась на несколько лет, лишив нас источника сведений о пребывании молодых Голицыных во Франции.

* * *

В 1786 г. Борис и Дмитрий закончили учебу в Страсбурге, после чего оба поступили в парижскую Военную школу⁵⁹. Тем временем в России им заочно присваивали все новые воинские звания: Борис в 1785 г. стал подпоручиком Семеновского полка, Дмитрий в 1789 г. – поручиком лейб-гвардейского Конного полка⁶⁰.

Теперь Оливье мало вмешивался в жизнь молодых князей, выполняя при них роль уже не воспитателя, а управляющего, и потому его подопечные в полной мере могли предаться свет-

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 105. Ед. хр. 83. Л. 3об.

⁵⁶ Там же. Л. 7об.-8.

⁵⁷ Там же. Л. 19об.

⁵⁸ Там же. Л. 9об.

⁵⁹ См.: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 195-196. Заметим, правда, что тема учебы в Военной школе отражения в известных нам письмах молодых князей не нашла.

⁶⁰ Там же.

ским развлечениям. От парижского периода жизни братьев Голицыных в их фамильном архиве сохранились многочисленные письма, присылавшиеся к ним на улицу Сен-Флорантен, 6 представителями французской аристократии, с которыми молодые князья поддерживали дружеские отношения⁶¹. Имен этих много: граф д'Отей (Auteuil), князь Листенэ де Бофремон (Listenais de Bauffremont), граф Теодор де Бисси (Théodore de Bissi), маркиз Кальвиссон (Calvisson), граф Дестерно (Desterno), герцогиня Дюрас (Duras), граф Годфруа де Ла Тур Овернь (Godefroi de La Tour Auvergne), принц Монако и др. Содержание их посланий – приглашения на обед или на бал и ответы на приглашения со стороны самих князей. Как правило, от одного адресата имеется лишь по одному, два или три письма Голицыным, что, по-видимому, свидетельствует об их достаточно поверхностных отношениях. Большинство писем датированы 1787–1789 гг.

Избавившись от запретов воспитателя, князь Борис вновь смог посвятить себя литературному творчеству. И хотя о своих пробах пера он сообщал в письмах крайне мало⁶², историками литературы выявлен ряд его публикаций парижского периода⁶³. Все они написаны и изданы по-французски, хотя нет уверенности, что Голицын не пробовал издать что-либо и в английской прессе, поскольку он прекрасно владел английским языком.

Среди опубликованного Борисом Голицыным в те годы – «Эпитафия комару» (*Épitaphe d'un moucheron*) – подражание Вергилию⁶⁴, эклога *Doris*, которую автор выдвигал, но безуспешно, на конкурс Французской академии⁶⁵ и т.д. Борис также активно занимался переводами, которые показывают его интерес и осведомленность в вопросах литературы, истории и общественной мысли Англии и Германии. В 1787–1788 гг. он напечатал в *Année littéraire*, *Journal encyclopédique* и *Mercure de France* переводы отрывков из «Опытов» О. Голдсмита, а также – в *Mercure de France* статью «Размышления о Голдсмите» (*Idées sur Goldsmith*). Писал он также о немецком литераторе И.К. Рисбеке⁶⁶. В некоторых сочинениях Го-

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 104-105.

⁶² Одно из таких немногих упоминаний в июльском письме 1789 г., где князь Борис сообщает матери, что его эклога не имела желаемого успеха, но он рассматривает это поражение как «победу над самолюбием». – Там же. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 20об.

⁶³ Обзор его творчества см. в биографической статье П.Р. Заборова и М.В. Разумовской в Словаре русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.

⁶⁴ *Almanach des Muses*. 1788. P. 216.

⁶⁵ *Mercure de France*. 1790. 20 fév. P. 85-89.

⁶⁶ *Ibid.* 1788. 12 juillet. P. 97-102.

лицына (*L'Aurore, Diogène et Glycère*⁶⁷) просматривается заметное влияние произведений швейцарского писателя-сентименталиста С. Геснера и немецкого поэта К.М. Виланда. Об интересе Голицына к вопросам истории и социально-политической философии свидетельствует его труд (возможно, перевод с английского) «Опыт о любви народной»⁶⁸.

В 1786 г. князь Борис писал Ф. Шиллеру, предлагая свои произведения для издававшегося тем *Rheinische Thalia*, общался с Ж.Ф. Лагарпом, Ф.М. Гриммом, Ж.Ф. Мармонтелем, А.Ф. Де Сент-Анжем и А.Л.Ж. де Сталь. Однако в переписке с матерью эти лица почти никогда не упоминаются либо упоминаются в контексте, не связанном с литературой. Так, в февральском письме 1789 г., где речь шла о новостях из России и о вероятном начале войны, Борис сообщает, что ему об этом говорили И.М. Симолин и Ф.М. Гримм⁶⁹.

Одно из редких исключений – рассказ в сентябрьском письме 1789 г. о советах известного литературного критика Жана-Франсуа Лагарпа:

До своего отъезда я хотел повидать Ла Гарпа, он назначил мне свидание утром, и я провел у него более часа. Никогда ранее он не выказывал мне столько интереса, как во время этого свидания. Я прочел ему два отрывка в прозе, которые написал незадолго до отъезда, они ему понравились сверх моего ожидания. Он не только ничего не попросил меня поменять, но сказал мне самые лестные слова. Однако ничто не доставило мне больше удовольствия, чем замеченное им сходство между моей последней вещью и пьесами Геснера. Это совсем в его стиле, повторил он несколько раз. Еще больше ему понравилась пьеса, озаглавленная «Однажды»⁷⁰.

Впрочем, литературное творчество Бориса Голицына за этот период еще ожидает своего исследователя...

* * *

Год 1789-й – первый год Французской революции – семья Голицыных встретила во Франции. До мая они все вместе жили в Париже, где постоянно снимали особняк, после чего начались многочисленные разъезды. В мае Наталья Петровна с мужем и дочерьми уехала в Лондон, а сыновья остались в Париже. Но уже в июне Борис вместе с Оливье отправился в Бурбон на воды. В мо-

⁶⁷ Almanach littéraire, ou Etrennes d'Apollon. 1788. P. IV, 1-6; Mercure de France. 1790. 27 mai. P. 102-113; Journal encyclopédique. 1790. T. 3. P. 493-504.

⁶⁸ Essai sur la faveur populaire // Mercure de France. 1790. 7 août. P. 41-48.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 18об.

⁷⁰ Там же. Л. 33об.-34.

мент июльского восстания из всех Голицыных в столице находился лишь самый младший — Дмитрий. Примерно в конце июля Борис с гувернером покинули Бурбон и направились в Реймс. Оттуда Оливье вернулся в Париж присматривать за княжеским особняком, а Дмитрий, встретившись с братом, поехал вместе с ним к родителям в Лондон. В октябре оба вернулись в Париж. В феврале 1790 г. прибыли в Париж и их родители, а летом того же года, как и все русские подданные, Голицыны по приказу императрицы покинули Францию. Родители вместе с дочерьми вернулись в Россию, братья же, покинув Францию в конце сентября, еще несколько месяцев — до начала 1791 г. — путешествовали по Германии и Италии⁷¹.

Поскольку большую часть 1789 г. братья Голицыны находились в разлуке с матерью, за данный период сохранилась обширная переписка, подробно освещающая жизнь молодых князей в революционной Франции.

* * *

Франция втягивалась в Революцию постепенно. Параллельно с новыми реалиями, проявлявшимися все более отчетливо, продолжалась, почти как прежде, и светская жизнь местной аристократии. Братья Голицыны охотно отдавали дань светским развлечениям. Описание ужинов, обедов, балов занимает не последнее место в их корреспонденции, особенно у Бориса.

В одном из писем он рассказывает, что у госпожи Дюбур собираются «светлые головы»: литераторы аббат Делиль (de Lisle) и шевалье Буфлер (Boufflers), госпожа Ааль (Haal). Последняя рискованно шутит, обращаясь к шевалье Буфлеру и заявляя, что понимает, как можно оплакивать отъезд человека, который не является вашим любовником: «Потому что, когда Вы уехали в Африку, я плакала в течение нескольких дней, а Вы, безусловно, не были моим любовником». Она, пишет Борис, неистощима и постоянно изрекает «кучу подобной же остроумной глупости»⁷².

Братья в курсе всех светских пересудов. Сообщая 8 июня⁷³ о смерти Дофина и о трогательном письме, которое тот написал своей матери за несколько дней до кончины, Борис подробно рассказывает о содержании этого письма, реакции королевы на него и другие детали, ссылаясь, что слышал об этом у герцогини

⁷¹ См.: Там же. Ед.хр. 44; карт. 105. Ед.хр. 85.

⁷² Там же. Л. 4.

⁷³ Здесь и далее все даты в переписке Голицыных даются по новому стилю.

Лавальер (la Vallière) от принцессы Тарантской (de Tarente), которая узнала о том от маркизы д'Аркур (d'Harcourt). Источник сведений, добавляет Борис, свидетельствует об их полной достоверности⁷⁴.

О том, как блистают в свете Борис и Дмитрий, сообщал Наталье Петровне и Оливье. После поездки в Бурбон он писал княгине:

Я имел честь заметить Вам, каким успехом пользовался в Бурбоне князь Борис, я ощущал от этого невыразимое удовлетворение, я часто осмеливался мысленно ставить себя на Ваше место и жалел, что Вас там не было, чтобы насладиться его триумфом. Если он ухаживал за какими-нибудь молодыми барышнями, я замечал, как они были этим довольны; я видел также, насколько матерям это было лестно, по тому, что они говорили мне о нем. Если начинались танцы, то он танцевал лучше всех и единственный выказывал изящество в движениях. В обращении с оружием он тоже был лучше всех. Если речь заходила о литературе или о политике, все удивлялись его уму и здравому смыслу [Приложение 2. Док. 14].

Молодых Голицыных повсюду охотно принимали, чему во многом способствовала широкая известность их матери в европейских аристократических кругах. В октябре, только вернувшись из Лондона, братья побывали на обеде у маршала Муши (Mouchy)⁷⁵, после чего Борис сообщил Наталье Петровне, что вся семья маршала привязана к ней и желает ее скорейшего возвращения в Париж. Зная, что она, матерая светская львица, может принять эти слова за простую вежливость, Борис добавляет: «Смею сказать, что Вас желают здесь видеть искренне»⁷⁶.

Иногда братья совершали по несколько визитов за день. Как-то раз в октябре они побывали в компании шевалье Рота (Roth) сначала на обеде у супругов Караман⁷⁷ в их имении в Русси, после чего отправились к самому шевалье, чтобы привести себя в порядок, а затем поехали к герцогу Форе (Forest). Не часто случалось так, чтобы князья всю неделю безвылазно сидели дома. Одна из таких «неудачных» недель была в октябре, когда они действительно почти никуда не выходили, если, конечно, не

⁷⁴ Там же. Ед. хр. 43. Л. 34-35.

⁷⁵ Филипп де Ноай, герцог де Муши (1715-1794), был интендантом Версаля и губернатором провинции Гиень.

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 2.

⁷⁷ Речь идет, вероятно, о Викторе-Морисе де Рике, графе де Карамане, принце де Шиме (de Riquet comte de Carapan, prince de Chimay) и его супруге Мари-Анне-Габриэле-Жозефе-Франсуазе-Ксаверии д'Альзас де Энен-Лиетар (d'Alsace de Hénin-Liétard, 1728-1810).

считать обеда у жены маршала Ришелье⁷⁸ и чая у госпожи Дюбур, куда Дмитрию пришлось идти одному: у Бориса на лице появились прыщи, и он не хотел в таком виде показываться в свете⁷⁹.

Такой же светской жизнью, возможно даже более активной, жила в Лондоне их мать. Описывая свой распорядок дня на водах в Бурбоне (подъем сначала в 7 часов, а потом в 5 часов утра для прогулки), Борис замечает, что из-за круговерти балов его мать ложится спать почти в то же время, в какое встает ее сын! В сравнении с Парижем Лондон казался Борису городом сплошных развлечений, и он выражал удовлетворение, что живет в таком «спокойном месте», что позволяет ему заниматься своими делами. Как правило, об этих делах братья мало писали матери, но можно предположить, что для князя Бориса речь шла о литературных трудах.

А после Масленицы 1790 г., когда начался Великий пост, братья и вовсе стали отказываться от приглашений на балы, из-за чего, шутил Борис, им оказалось нечего противопоставить тем спискам раутов, на которых в Лондоне побывала их мать⁸⁰.

Время от времени молодые князья посещали театр, где у Натальи Петровны была своя ложа. Иногда туда же ходили и гувернеры Оливье и Флоре. Однако, констатирует князь Борис, зрителей, за исключением премьерных спектаклей, очень мало, да и те в основном незнакомые лица⁸¹.

Встречи с соотечественниками случались не часто. Русские праздники братья Голицыны старались отмечать и в декабре посетили в православной церкви службу в честь св. Екатерины: народу было мало, а из посольства и вовсе никого (Приложение 2. Док. 23).

* * *

Между тем революционные события все более настоятельно вторгались в прежде безмятежную жизнь Голицыных. В дни июльского восстания жители реквизировали часть домов, которые можно было использовать для защиты города от предполагавшегося вторжения королевских войск. Оливье докладывал:

Вот почему в Вашем особняке была установлена артиллерия – две пушки – на тот случай, если маршал Брольи захотел

⁷⁸ По-видимому, Жанна де Лаво (Lavaulx, 1734–1815), вдова маршала Людовика-Франсуа Армана де Винеро дю Плесси, герцога де Фронсака (Armand de Vignerot du Plessis, duc de Fronsac).

⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 93. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Л. 8.

⁸¹ Там же. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 2.

бы ввести полки через улицу Гренель со стороны Инвалидов. Тогда вся улица оказалась бы под обстрелом Ваших пушек, от начала до конца. То же самое было сделано на улице Варенн, улице Сен-Доминик, на улицах Университета и Бурбон.

<...> Князь Дмитрий потом пожаловался, что этот караул не давал ему покоя и мешал работать. Чтобы не беспокоить его, поставили другой караул, и, как меня уверяли, у него попросили прощения за то, что потревожили в работе [Приложение 2. Док. 11].

30 июля в дом Голицыных пришло письменное распоряжение выделить двух человек для патрулирования в городе. Оливье так докладывал княгине об этом:

Я пошел к главе нашего квартала, который принял меня очень вежливо. Я заявил ему, что князь – иностранец и что он в Париже всего на несколько месяцев, что вследствие этого его должны освободить от этой повинности. Тот ответил мне, что многие послы подчинились этому распоряжению и что он просит Вас тоже уступить, – что будут сформированы части для охраны Парижа и это избавит всех от необходимости участвовать в ней. Я согласился отряжать лишь одного человека примерно раз в неделю. Поскольку Этьена тогда не было, я послал Вашего полотера вместо него [Приложение 2. Док. 9].

Доставка разных товаров тоже осложнилась. В сентябре Оливье сообщал, что некий Огюст не смог прислать княгине четыре обещанных ей горшка, потому что у него не хватало рабочих:

Они не преминули примкнуть к волнениям, произошедшим в Париже в июле; даже сейчас у него нет и половины необходимых ему людей, они предпочитают работе участие в патруле, сформированном из горожан, за что получают плату. Им нравится, что не надо ничего делать. Имея на плече ружье со штыком, они считают себя важными людьми [Приложение 2. Док. 14].

В сентябре банкир Равель не дал денег Оливье, попросив его подождать неделю, и гувернер выразил в письме опасение, что тот не сдержит слово: никогда еще, отмечает он, деньги не были в такой редкости, как теперь (Приложение 2. Док. 16).

* * *

Письма к Н.П. Голицыной от ее сыновей и от Оливье носят двойственный характер. С одной стороны, стараясь успокоить княгиню относительно происходящего в Париже и ускорить ее возвращение туда, все трое настойчиво пытались убедить Наталью Петровну в том, сколь безопасна жизнь во французской сто-

лице. Так, князь Борис сообщал, что, хотя балы стали редкостью, салоны, тем не менее, не опустели, и перечислял множество домов, в которых по-прежнему принимают. Правда, отмечал он, молодые люди из числа аристократии сильно изменились, ощутив себя – «о чем сами ранее не подозревали» — государственными мужами: они говорят теперь только о дополнениях к законам и надеются, что таким образом разовьют свои таланты законодателей⁸².

Оливье тоже пытался по-своему успокоить княгиню в письме от 3 августа 1789 г., доказывая, что доходящие до Лондона слухи о парижских беспорядках весьма преувеличены:

Из последних Ваших писем от 4 и 21 июля, которые мне передали по моем приезде в Париж, я вижу, в каком чрезвычайном беспокойстве Вы пребываете из-за революции, произошедшей в Париже и во всей Франции. Во-первых, я успокою Вас в том, что касается Ваших личных интересов: Вашему особняку, как и всем домам в Париже, ничто не угрожает; никогда Париж не охраняли и не будут охранять лучше, чем сейчас [Приложение 2. Док. 9].

Но уговоры молодых князей и гувернера порою довольно плохо сочетались с их рассказами о буднях Революции. В письме от 20 июля Борис, повествуя об июльском восстании, бесстрашно сообщал, что Флесселя, купеческого прево Парижа, застрелили из пистолета, а потом обезглавили и что та же участь постигла Бернара-Рене Жордана де Лонэ, коменданта Бастилии. Сообщая о переменах в правительстве, последовавших после восстания, Борис так резюмировал царившие в городе настроения, не выказывая солидарности ни с одним из них: «деятельные патриоты» считают, что будущее развитие революции прекрасно, Двор — что все потеряно, а люди осторожные и непредвзятые — что надо выждать время (Приложение 2. Док. 7).

С такой же аккуратностью и Оливье старался излагать факты, даже если они могли войти в противоречие с его же собственными утверждениями о безопасности парижской жизни. Так, в письме от 3 сентября, после очередной порции увещеваний не беспокоиться о происходящем в Париже, Оливье рассказывает княгине о судьбе ее знакомой:

Одна новость весьма огорчит Вас, мадам. Речь идет о смерти госпожи де Фонтет, которая была похоронена три или четыре дня назад. Говорят, что, оправившись после родов, она пошла к своей модистке, но, выходя от нее и собираясь сесть в карету, увидела изуродованный труп господина Фулона⁸³, который чернь волочила

⁸² Там же. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 29.

⁸³ Фулон (Foulon), Жозеф Франсуа (1715-1789), бывший министр Людовика XV и Людовика XVI, был зверски убит парижской толпой 22 июля.

по улицам. Она была так напугана, что, вернувшись домой, слегла, и с того времени она все чахла, пока не умерла (Приложение 2. Док. 13).

И в письме от 21 сентября попытка Оливье успокоить Н.П. Голицыну выглядит не совсем убедительно:

Вам посчастливилось, что Вы не видели Парижа и всей Франции, охваченных волнениями: в иные моменты Вы были бы удручены и напуганы. Мне кажется, что теперь Вам нечего бояться, пусть умы в Париже находятся в большом брожении, но здесь была сформирована такая хорошая охрана, что нет и видимости возникновения новой опасности (Приложение 2. Док. 15).

Описывая поход парижан на Версаль 5–6 октября, Оливье сначала тоже пытается уверить, что в этом «значительном восстании» не было пролито ни капли крови. Но затем, вероятно из стремления быть предельно точным, вписывает поверх этой строки «в Париже», после чего сообщает о добром десятке погибших в Версале (Приложение 2. Док. 17).

В конце октября, когда нехватка хлеба в Париже усилилась, толпа, рассказывает Оливье, схватила трех булочников и повесила одного из них на фонаре, после чего отрубила несчастному голову, дабы ее показать его коллегам (Приложение 2. Док. 20).

Не удивительно, что все попытки уговорить княгиню оставить Лондон и приехать в Париж оказались тщетными.

* * *

Особое внимание всех трех авторов писем привлекала деятельность Генеральных штатов, а затем — Национального собрания. Отчасти новости на сей счет брата Голицыны узнавали в великосветских салонах, которые посещались также и депутатами, по крайней мере от привилегированных сословий, порою молодые князья ссылались на слухи, черпали сведения из прессы и публицистики, а иногда и сами присутствовали на заседаниях.

8 июня Борис объяснял матери, что бездействие Генеральных штатов происходит от их внутреннего неустройства: депутаты никак не решат, должны ли они голосовать по сословиям или индивидуально; произносятся длинные речи, но форму работы Штатов пока не определили⁸⁴.

Уехав на воды, князь Борис продолжал следить за деятельностью Генеральных штатов, тем более что она служила «предметом для всех разговоров в Бурбоне». Он получал четыре периодических издания, в которых только об этом и шла речь. Однако, не довольствуясь ими, он попросил брата прислать еще

⁸⁴ Там же. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 34-35.

речи д'Антрэга и Лалли Толландаля, сочинения епископов Отенского (Ш.М. Талейрана) и Лангрского (С.Г. де Ла Люзерна), дабы получить дополнительные сведения о работе Генеральных штатов. Книга епископа Лангра вызвала у него особый интерес, он даже пересказал матери ее содержание. Поскольку Бурбон находился в бальяже Лангра, Борис раздобыл там местные указы, составленные этим же епископом⁸⁵.

Заседание 17 июня, на котором депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, удостоилось от молодого князя пространного комментария. Описав матери происшедшее, он дал следующий прогноз событий:

Я думаю, что теперь два привилегированных сословия поспешат присоединиться к третьему (*communes*). Новая форма и название, которые оно [Национальное собрание] только что приняло, сделали бы дворянство и духовенство преступниками в глазах нации, если бы они не согласились на то, что было предложено третьим сословием. Но самое главное, что заставит их принять решение, это – страх, что обойдутся и без них⁸⁶.

В действительности, замечает Борис, сопротивляется только одно сословие – дворяне, потому что все новые представители низшего духовенства каждый день приходят в зал заседаний третьего сословия для подтверждения своих полномочий⁸⁷. Избегая оценок, Борис констатирует крайнюю непримиримость некоторых представителей дворянства: маркиз Бутиллье (*Bouthillier*), например, демонстрировал открытое высокомерие, что еще более обострило отношения между дворянством и третьим сословием. Молодой Голицын с удовольствием рассказывает матери забавные истории из жизни Генеральных штатов, восторгаясь способностью французов схватывать все смешное. Когда представители всех сословий собрались на службу в память о Людовике XV и разместились в церкви попеременно, кто-то заметил, что если они смогли объединиться ради мертвых, то должны бы сделать то же самое и ради живых⁸⁸.

Описывая ход королевского заседания 23 июня, Борис отмечает, что «духовенство хотело подать пример, прокричав несколько раз “да здравствует король”»; его немного поддержало дворянство, но ни один голос не прозвучал из рядов третьего сословия».

⁸⁵ Там же. Л. 49.

⁸⁶ Там же. Л. 49об.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Ед. хр. 43. Л. 50-50об.

«Трудно себе представить, — пишет далее Борис, — что король, как только сможет это сделать, не объявит о роспуске Генеральных штатов», а поскольку этого не произошло, он предполагает, что король «будет вынужден принять волю третьего сословия», и добавляет: «Все это очень меня огорчает» (Приложение 2. Док. 4).

Тем не менее сословия, как мы знаем, объединились и на смену Генеральным штатам пришло Национальное собрание. В октябре князь Борис отмечает, что именно оно делает жизнь в Париже интересной. Он побывал на двух заседаниях и остался доволен красноречием депутатов. Но если сама идея представительного собрания, как мы далее увидим, вызывала у него симпатию, то общая атмосфера заседаний его неприятно поразила, так как мало соответствовала его представлению о законодательном органе:

Почти всегда раздаются одновременно пятьдесят голосов, и каждый из депутатов с такой настойчивостью добивается победы, что крики и гвалт продолжаются иногда четверть часа. Поэтому, когда речь зашла о том, чтобы переплавить парижские колокола на монеты в два су, виконт де Мирабо заявил, что не надо переплавлять все, пару колоколов надо оставить для стола председателя (Приложение 2. Док. 23).

В салонах деятельность Национального собрания тоже находилась в центре обсуждения, но здесь не кричали, а шутили и злословили. О герцоге Орлеанском, сообщает Б. Голицын, за всегдашними салонами говорят самые оскорбительные вещи, называя его предателем и продажным пьяницей⁸⁹.

В декабрьском письме князя Дмитрия матери мы тоже находим отклик на работу Национального собрания, и тоже не слишком одобрительный:

В Национальном собрании делаются такие безумные предложения, что с Вашего позволения я расскажу Вам о двух из них, которые меня чрезвычайно удивили. Собрание занимается сейчас реформированием армии, и некий г-н Дюбуа Крансе предложил ввести всеобщую воинскую повинность, то есть чтобы в каждом приходе имелся список людей, способных держать оружие и выступить по первому приказу. Он был очень рад своей выдумке и обещал Франции тысячи солдат, более того, солдат-граждан, что ему кажется очень важным. Он уже представил себе, как они сражаются с большим упорством, потому что защищают свой дом, но он не понял, что эти граждане будут не солдатами, а всего лишь вооруженными людьми, непривычными к оружию, которое им выдадут (Приложение 2. Док. 25).

Эти слова явно выдают будущего офицера, за плечами у

⁸⁹ Там же. Ед. хр. 43. Л. 31об.

которого годы Военной школы и который прекрасно понимает разницу между ополчением и профессиональной армией. Любопытно, что к тем же выводам со временем придет и сам Э.Л.А. Дюбуа-Крансе, выступив в 1793 г. инициатором военной реформы, известной как «амальгама».

* * *

Коснувшись некоторых оценок молодыми Голицыными деятельности Национального собрания, мы вплотную подошли к вопросу об отношении к Французской революции этих русских аристократов, которых историографическое предание объявило ее «горячими защитниками».

Мы видели, что подобное определение они заслужили как предполагаемые участники штурма Бастилии. А что об этом говорят источники? С Борисом вопрос ясен: он в число участников штурма попал исключительно по недоразумению, поскольку 14 июля еще находился на водах в Бурбоне и в Париже отсутствовал. С Дмитрием же дело обстоит несколько сложнее.

Сорок лет спустя, в 1839 г., Дмитрий Голицын расскажет Дмитрию Бутурлину о том, «как он еще мальчиком, проходя со своим наставником чрез Бастильскую площадь, во время первой Французской революции, в те самые минуты, когда Парижская чернь обрушилась на крепость, был вместе с чужестранцами принужден принять участие в этом штурме и должен был переносить кое-какие вещи с одного места на другое»⁹⁰. Как видим, здесь и речи нет о непосредственном участии юноши в боевых действиях по взятию Бастилии. Тем не менее одного этого беглого упоминания оказалось достаточно для возникновения историографического предания. Уже в 1910 г., опираясь на данное свидетельство, французский историк Э. Оман написал об участии в штурме Бастилии *обоих* Голицыных⁹¹. А позднее, в советской исторической литературе, подобное утверждение, как мы видели, и вовсе стало аксиомой, не нуждающейся в доказательствах.

Как, однако, соотносится это утверждение с содержанием писем братьев Голицыных периода Революции? Сразу заметим, что о самом штурме Бастилии Дмитрий не говорит ни слова, но это отнюдь не означает, что он не мог быть его очевидцем. 16 июля Борис пишет матери из Бурбона, что пытается ускорить отъезд брата из Парижа в Реймс, где они должны будут встретиться:

⁹⁰ Русский Архив. 1901. Кн. 9. С. 116. - Цит. по: *Шереметев П.* Указ. соч. С. 112.

⁹¹ *Haumant E.* La culture française en Russie (1700-1900). P., 1910. P. 172.

Я не сообщил брату о своем опоздании. Я предпочитаю, чтобы он дождался меня в Реймсе, а не оставался далее в Париже. Тем более что, как мне заметил г-н Флоре, ему было трудно помешать брату бежать по городу для того, чтобы быть очевидцем волнений, происходящих в столице, а в таких случаях за любопытство дорого платят (Приложение 2. Док. 7).

То есть, «бегая по городу» во время парижских событий середины июля, Дмитрий вполне мог оказаться и возле Бастилии в своем стремлении «быть очевидцем волнений». А «наставником», о котором упоминается в свидетельстве Д. Бутурлина, очевидно, был г-н Флоре: не имея возможности помешать Дмитрию лезть в опасные места, он, скорее всего, вынужден был его сопровождать.

Но даже если бы князь Дмитрий и оказался 14 июля 1789 г. в наиболее «горячей точке» Парижа – близ Бастилии, был ли он по своим убеждениям и внутреннему настрою расположен примкнуть к повстанцам и принять участие в антиправительственных действиях? Его письма заставляют нас усомниться в этом. Особенно ярко, на наш взгляд, настроения Дмитрия в тот период характеризует его письмо Мишелю Оливье о событиях в Париже, последовавших за королевским заседанием 23 июня:

Ты увидишь, что король выступил на королевском заседании, но третье сословие не пошло на попятную. Солдаты разных полков отказались выступить, заявив, что они пошли в армию, чтобы сражаться против противника, а не против сограждан. <...> Я уверяю Вас, что они должны почитать себя счастливыми, что я не являюсь их полковником здесь, поскольку я истребил бы свой полк, если бы он не повиновался мне, и я сказал бы солдатам: вы пришли в армию, чтобы делать то, что вам прикажут, а не рассуждать. Я слишком разгорячился, но я говорю как военный и, возможно, как иностранец (последняя фраза – очень тонкая поправка). (Приложение 2. Док. 4. Подчеркнуто Б.В. Голицыным).

Как видим, молодой князь не только не разделяет «патриотический» настрой воинских частей, охваченных революционным брожением, а, напротив, осуждает его в предельно резкой форме. Неудивительно, что в Бурбоне, где Оливье зачитал это письмо находившейся там аристократии, настроенной весьма консервативно, оно, по свидетельству князя Бориса, вызвало горячее одобрение:

Здесь сильно настроены против третьего сословия <...> Письмо моего брата, как Вы увидите, написано совершенно в духе, который царит здесь <...> и все сошлись во мнении относительно этого письма. Нашли, что оно было написано молодым человеком, обладающим сильным характером и духом. <...> Ободренный этими комплиментами, я посылаю Вам его письмо, в котором я подчеркну фразы, вызвавшие наибольший отклик, и которые перечитывали до трех раз. (Приложение 2. Док. 4).

Похоже, еще более откровенно подобные настроения были выражены в письме Дмитрия матери, которое он собирался отправить с почтой 15 июля 1789 г., но не смог «из-за излишней предусмотрительности г-на Флоре». В результате, «чтобы не пропускать почту» и успокоить мать, молодой Голицын вынужден был ограничиться лишь краткой весточкой о себе (см.: Приложение 2. Док. 6). Опасения Флоре были связаны с начавшимся накануне восстанием в Париже. Заметим, что 15 июля, когда Дмитрий отправлял записку матери, город еще находился во власти повстанческой анархии, разгоряченные толпы носили по улицам отрубленные головы купеческого прево и коменданта Бастилии, прежняя власть испарилась, новая еще только создавалась, впрочем, и неделю спустя она будет слишком слаба, чтобы спасти от линчевания бывшего министра Фулона и его зятя. Не удивительно, что в такой ситуации Флоре вынужден был проявить предусмотрительность, задержав письмо Дмитрия, поскольку выраженные «слишком свободно» мысли юноши, очевидно, могли навлечь на него беду, попади письмо в руки повстанцев. Едва ли молодой князь выражал в своем послании сочувствие тому антиправительственному движению, о котором столь резко отзывался двумя неделями ранее.

Поэтому совершенно независимо от того, переносил ли Дмитрий Голицын во время штурма Бастилии «кое-какие вещи с одного места на другое» или нет, его письма тех дней не дают никаких оснований видеть в нем не только «участника» Революции, но даже человека, ей сочувствующего.

* * *

О взглядах князя Бориса того времени мы можем судить даже еще более определенно, чем о воззрениях его брата, по дошедшей до нас рукописи его неоконченного сочинения «О влиянии событий на формирование конституции» (Приложение 3).

Корреспонденция старшего из братьев Голицыных свидетельствует о его глубокой заинтересованности в анализе и осмыслении событий Французской революции, истории европейского общества и, особенно, двух соседних народов – французов и англичан. Об этом интересе говорят и названия прочитанных им книг⁹², среди которых – «Философские и политические письма об истории Англии», приписывавшиеся лорду Литлтону, но на

⁹² ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 93. Ед. хр. 43. Л. 37-37об.

самом деле являвшиеся произведением Голдсмита⁹³, сочинение Жана-Луи Делольма «Конституция Англии»⁹⁴ и комментарии к нему, приписываемые Ливингстону⁹⁵.

В набросках к сочинению кн. Б.В. Голицын подчеркивает необходимость распространения знаний и заявляет, что «некоторые государи, плохо понимающие собственные интересы, стремятся держать народы в невежестве». Народ должен осознать свои права, но, считает Голицын, такое движение должно быть постепенным, естественным. Он несколько раз переписывает этот пассаж, который наиболее ярко выражает его мысль об опасности резких изменений в обществе:

Когда под тяжестью веков глыба сползает по отлогому склону, она плавно движется всей своей массой, без труда прокладывая себе дорогу. Но если ее понесет бурный поток, она покатится, снося все препятствия на своем пути, а рухнув вниз, сама рассыплется в прах.

Б. Голицын считает, что благотворные перемены вполне могут быть произведены человеком, который возглавляет «общество, лишенное свободы», и «вынашивает прекрасную мысль восстановить его в правах, отказавшись от своей несправедливой власти», но осознает также и сложность подобного предприятия, требующего огромного таланта. Иными словами, автор сочинения вполне разделяет популярную в общественной мысли того времени идею расширения прав нации, в том числе на самоуправление, но считает, что такая реформа может быть проведена лишь «сверху» и постепенно. Симпатизируя идеалам Французской революции, он явно не одобряет то направление, которое приняли события во Франции:

Эта революция способна принести благо, и надо поддерживать эту надежду, но спокойный наблюдатель не может без удивления видеть, сколь разные пути избрали два народа [английский и французский – *Авт.*], чтобы достичь одной цели, и не может не бояться того, что столь разные причины не приведут к одинаковым последствиям.

Поэтому я намерен бороться с идеями тех охваченных экзальтацией людей, которые, руководствуясь в глубине души похвальными намерениями, не предвидят всех последствий [своих действий].

⁹³ *Goldsmith O.K. Lettres philosophiques et politiques sur l'histoire de l'Angleterre, depuis son origine jusqu'à nos jours. L.-P., 1786. 2 vol.*

⁹⁴ Возможно, в этом издании: *Lolme J.L. de. Constitution de l'Angleterre, ou Etat de gouvernement anglais, comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. T. 1. Genève; P., 1788. Первое издание: Idem. Constitution de l'Angleterre. Amsterdam, 1771. Было и несколько английских изданий.*

⁹⁵ Возможно, речь идет о кн.: *Observations on government: including some animadversions on Mr. Adams's Defence of the constitutions of government of the United States of America: and on Mr. De Lolme's Constitution of England / By a farmer of New-Jersey. N.Y., 1787.*

Предлагая вниманию потенциальных читателей краткий очерк истории Англии, Б. Голицын подчеркивает, что «зародыш свободы» в виде суда присяжных – *trial by jury* – существовал там еще в глубокой древности. Он определяет основные этапы пути завоевания свободы английской нацией: подписание в 1215 г. Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей, гарантировавшей права и привилегии вольных сословий, и образование парламента, в котором полномочия Палаты общин были существенно расширены при Эдуарде I:

[Английская нация] создала себе парламент, в котором выбранные ею представители стали собираться, чтобы отстаивать ее права и обеспечивать законами ее свободу. С этого момента пошел быстрый прогресс. Постепенно Палата общин начала дополнять билли о субсидиях петициями, парламент приобрел более регулярный вид, стал привлекать министров к суду, распорядиться троном и правами регентства, выступать судьей в споре двух претендентов на королевскую корону.

Английскую революцию Голицын трактует как защитную реакцию общества на произвол королей, хотя и считает, что в ходе ее английская нация зашла слишком далеко и допустила непоправимые эксцессы, в частности казнив собственного короля: «Человек в силу своей природы, когда его принуждают забыть о благоразумии, не может самостоятельно остановиться до тех пор, пока не столкнется с непреодолимым препятствием». Когда же английская нация наконец «исчерпала свою суровость», она положила корону к ногам сына того, кого отправила на эшафот.

Напротив, события Славной революции 1688–1689 гг. Голицын описывает как бескровное и законное смещение «короля, забывшего о правовых нормах, установленных для него Конституцией», совершенное при полном «сознании своих прав» нацией. Такая трактовка Славной революции и противопоставление ее революции Французской весьма сближают позицию Бориса Голицына с позицией Эдмунда Бёрка, выраженной в знаменитых «Размышлениях о революции во Франции»⁹⁶. Причем к подобной интерпретации русский князь пришел, похоже, независимо от английского мыслителя, поскольку работал над своей рукописью еще до появления его нашумевшей книги.

В представлении Голицына (так же, как и Бёрка) Славная

⁹⁶ *Burke E. Reflections on the Revolution in France. L., 1790.* Подробнее о роли интерпретации Бёрком Французской революции в развитии европейской общественной мысли см.: *Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996.*

революция стала естественным результатом постепенного формирования национального характера и общественного сознания в результате исторической эволюции на протяжении многих столетий:

Люди постигали свои права, их представления расширялись благодаря осознанию собственной значимости, их разум приобретал остроту, необходимую для пользования свободой. Когда законы позволили им пользоваться ею в полной мере, она уже не была в диковинку для этой нации.

О том, сколь чужды были радикальные методы Французской революции Борису Голицыну, при всех его симпатиях к либеральным веяниям своего времени, мы можем судить по его представлениям о перспективах преобразования России, каковые он связывал исключительно с инициативами просвещенной государыни:

В Европе есть счастливый народ, который, прославившись тем, что его отцом-основателем был Петр I, теперь идет к просвещению под водительством государыни⁹⁷, во многом сравнимой с Карлом Великим. Возглавив, подобно ему, не слишком просвещенную нацию, она посредством учреждения школ стремится малопомалу распространять в народе свет знаний. И, подобно ему, она покровительствует литераторам и ученым. И [делает это] не как Людовик XIV, оставшийся им чуждым, а именно как Карл Великий – своими сочинениями, которые показывают, что она способна быть одной из них. Не довольствуясь покровительством наукам и искусствам, она лично составляет Свод законов, реформирует судопроизводство, стремится ограничить полномочия помещиков.

Конечно, если предположить, что Голицын готовил свое сочинение к изданию во Франции, то появление подобного пассажи может выглядеть вполне логичным проявлением лояльности русского подданного. Ведь для российских властей некоторые идеи автора могли показаться слишком радикальными: он ведь, например, соглашается с правом нации, в лице ее лучших представителей, ограничить конституцией власть монарха, «забывшего о правовых нормах». В то же время мысли Бориса Голицына о развитии России полностью вписываются в его систему представлений о поэтапном развитии общества.

Как бы то ни было, у нас ничуть не больше оснований причислить братьев Голицыных к «участникам» и тем более к «горячим защитникам» Французской революции, чем Павла Строганова. Разумеется, если верить «надписи», то есть письменным источникам, а не укоренившемуся преданию.

⁹⁷ Речь идет о Екатерине II.

Жизнь после Революции

О том, что три русских аристократа, посетившие Париж «в его минуты роковые», никакими революционерами так и не стали, а в дальнейшем были отнесены историографическим преданием к числу таковых исключительно по недоразумению, свидетельствует и вся последующая жизнь Строганова и Голицыных – жизнь благонамеренных подданных Российской империи, с готовностью проливавших за нее кровь на полях сражений.

Вернувшись из Парижа, Строганов поселился в фамильном поместье. Это не была ссылка. Если даже власти за ним неофициально и приглядывали (что, в общем-то, логично, принимая во внимание ту репутацию, которую создали ему французские приключения), то контроль этот был настолько относителен, что даже не препятствовал получению им писем от его друзей из революционной Франции. Впрочем, молодой граф политикой не интересовался и вел в своих владениях тихую, размеренную жизнь. В 1794 г. он женился на княжне Софье Владимировне Голицыной, родной сестре двух других наших героев – Бориса и Дмитрия.

В 1795 г. Строганов познакомился с великим князем Александром Павловичем, будущим императором Александром I. Тому шел тогда всего лишь восемнадцатый год. Введенный в заблуждение репутацией Строганова как бывшего «якобинца», Александр сообщил ему, что является «восторженным поклонником Французской революции» и считает себя тоже «якобинцем». Характерна реакция на это бывшего «гражданина Очера». Строганов сделал вывод, что будущий наследник престола находится во власти «опасных заблуждений», и обратился к своему кузену и бывшему «спасителю» от революционной «заразы» Н.Н. Новосильцеву, дабы им вместе придумать, как уберечь юношу от необдуманных действий⁹⁸.

В дальнейшем вся деятельность кружка «молодых друзей» будущего императора – П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцева, В.П. Кочубея и А. Чарторыйского, составивших после воцарения Александра I Негласный комитет, будет иметь своей главной целью удержать царя от радикальных мер, угрожающих дестабилизацией общества, и направить его преобразовательный пыл в русло осторожного и постепенного реформирования государства

⁹⁸ Сафонов М. "L'Histoire de mon temps" de Pavel Aleksandrovitch Stroganov (1803) // Les archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des fonds et inédits. Ferney-Voltaire, 2007. P. 702.

«сверху»⁹⁹.

В 1807 г. Строганов оставил политическую деятельность и перешел на действительную военную службу, приняв в том же году участие в кампании против Наполеона. В 1808–1809 гг. он участвовал в русско-шведской, а в 1809–1811 – русско-турецкой войнах. В Отечественную войну 1812 г. Строганов командовал при Бородино дивизией, а затем – корпусом. Во главе корпуса он сражался во всех главных баталиях этой кампании – при Тарутине, Малоярославце и Красном. В 1813 г. участвовал в «битве народов» при Лейпциге. В 1814 г. успешно противостоял самому Наполеону в сражении при Краоне, в котором, однако, Строганов потерял своего единственного сына. Смерть наследника повергла Павла Александровича в жестокую депрессию, повлекшую за собой тяжелую болезнь и, в конце концов, смерть 10 июня 1817 г.

Борис Голицын поступил на военную службу вскоре после возвращения из своего европейского путешествия, в 1792 г., Дмитрий – два года спустя. В 1794 г. оба приняли участие в польской кампании, отличившись при штурме Праги – предместья Варшавы.

В 1805 г. князь Борис получил тяжелое ранение под Аустерлицем и в следующем году оставил военную службу «по болезни». Поселившись в родовой усадьбе Вяземы, он много сил отдал обустройству этого имения. В частности, оно было известно своей библиотекой, насчитывавшей до 30 000 томов, среди которых было множество иностранных книг, как привезенных братьями из-за границы, так и купленных в России. Поблизости от усадьбы Голицыных находилось Захарово – имение Марии Алексеевны Ганнибал, бабушки А.С.Пушкина, у которой семья будущего поэта проводила летние месяцы 1804–1811 гг. Дядя поэта В.Л. Пушкин дружил с князем Борисом. В Вяземах же Пушкины в 1806 г. похоронили Николая, младшего брата А.С.Пушкина. Борис Голицын в этот период активно занимался литературным творчеством и в 1811 г. стал одним из основателей «Беседы любителей русского слова».

Князь Дмитрий воевал против Наполеона в кампаниях 1805–1807 гг. и против шведов – в 1808–1809 гг. Именно Д.В. Голицыну принадлежала идея перехода русских войск на шведский берег по льду Ботнического залива, однако командовать этой операцией поручили его бывшему подчиненному – М.Б. Барклаю де

⁹⁹ Подробнее см.: Сафонов М.М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. Эпизод.

Толли. Обидевшись, Голицын вышел в отставку и уехал в Германию.

С началом Отечественной войны 1812 г. оба брата вернулись на военную службу и приняли участие в Бородинском сражении. Борис получил тяжелую контузию в бедро, долго лечился. В конце 1812 г. он вновь прибыл в действующую армию, но из-за вызванного последствиями контузии осложнения умер 6 января 1813 г. В историографии высказывалось мнение, что именно князь Борис послужил для Л.Н. Толстого прототипом Андрея Болконского, героя романа «Война и мир»¹⁰⁰.

Дмитрию повезло больше: после Бородино, он благополучно прошел в 1812 г. через сражения под Вязьмой и Красным, в 1813 г. – при Дрездене и Кульме, в 1814 г. – при Бриен-ле-Шато, Мальмезоне, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуаз и Париже. С 1820 по 1841 г. он был военным губернатором Москвы и внес большой вклад в восстановление города после пожара 1812 г. Выйдя в отставку, Д.В. Голицын уехал для поправки здоровья в Париж, где и скончался 27 марта 1844 г. от последствий хирургической операции.

Братья Голицыны и Павел Строганов – эти высокопоставленные сановники и генералы, всю свою жизнь отдавшие служению Российской империи, вероятно, очень удивились бы, узнав, что десятилетия спустя их объявят «участниками» Французской революции лишь потому, что в молодости им довелось стать ее очевидцами.

¹⁰⁰ В 1994 г. на научной конференции в Бородино В.В. Цоффка сделал доклад «Князь Борис Владимирович Голицын (1769-1813) на страницах романа Л.Н. Толстого «Война и мир»». – См.: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции (Бородино, 1994 г.). Бородино, 1995.